

ПОЛИТОЛОГИЯ

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Философия. Политология. Культурология. Том 6 (72). 2020. № 2. С. 79–89.

УДК 172.4:130.2

ПРОБЛЕМА РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПОВЕДЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ПОСРЕДСТВОМ ФОРМИРОВАНИЯ КОДЕКСОВ И РЕКОМЕНДАЦИЙ

Коноплева А.А.¹ Буткевич С.А.²

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России г. Симферополь, Российская Федерация

E-mail: ¹konoplyova.artcrimea@gmail.com; ²butkevich-sa@mail.ru

Проблема регулирования культурных процессов становится особенно актуальной в период социальных преобразований, что обусловлено усложнением хода интеракции в различных плоскостях. Уже традиционно самым непростым, с точки зрения проведения анализа и выработки прогноза, является сфера межэтнических отношений. В данном контексте в качестве цели исследования предлагается рассмотреть попытки реализации процесса регламентации поведения этнических групп на примере проблем, характерных для Российской Федерации, а также оценить с позиции культурологии, этнографии, этики и психологии эффективность подобного воздействия. Предметом статьи стали способы регламентации поведения этнических групп, объектом – перспективы их применения в современных реалиях. Помимо общенаучных методов, ключевыми для изучения обозначенных проблем стали метод кросс-культурного анализа, позволивший выявить особенности национального характера отдельных этносов, а также метод историзма, поспособствовавший определению культурного фундамента, детерминирующего стиль поведения народа. В ходе исследования было установлено, что миграционные процессы, имеющие место как во внутригосударственном, так и в международном плане, становятся импульсом для повышения интенсификации межэтнических отношений, которые, в свою очередь, редко протекают бесконфликтно. Контент-анализ интернет-источников и публичных форумов показывает, что наиболее актуальным для современной России становится вопрос регламентации поведения, связанного либо с пребыванием граждан в республиках Северного Кавказа, либо с адаптацией представителей кавказских народов к нормам поведения, распространенным в иных регионах России. Определено, что регламентация может быть эффективной при соблюдении ряда требований: анализа причин возникновения конфликтов; привлечения авторитетного лица к разработке рекомендации; опоры на исторические традиции народа; учета особенностей национального характера народа, поведение которого планируется урегулировать. Анализ специфики мировоззрения молодежи способствует осознанию того, что большую эффективность при регуляции поведения этнических групп приобрели бы рационально выстроенные разъяснения сути этнических традиций и обоснование причин важности их уважения и соблюдения в нынешних условиях.

Ключевые слова: культура, традиции, национальный характер, кодекс, стыд, этническая группа, социокультурная среда, этнические особенности моральных принципов, нравственный авторитет.

Казалось бы, что в вопросе культурных различий давно расставлены все точки. Сформированы матрицы, позволяющие описать национальный характер каждого народа, определить культурные коды, объяснить причины свойственной ему модели поведения, исторически обосновать ментальные особенности, мировоззренческие позиции и ценностные ориентиры. Однако, невзирая на погружение общества в процесс глобализации и эру информационных технологий, формирующих единое пространство, именно в современном мире все чаще проявляются конфликтные ситуации, связанные с неспособностью адаптироваться к новой культурной среде или невозможностью принятия индивида-представителя иной идентичности. Кризис вызван сразу несколькими причинами.

Во-первых, в условиях культурного плюрализма в человеческом сознании формируется многомерная система, способствующая восприятию носителя другой культуры, предполагающая, с одной стороны, абстрагирование от культурных особенностей, с другой – концентрацию внимания на уникальности традиций и ценностей, присущих как воспринимаемому, так и воспринимаемому. Отсюда в условиях реализации принципов политики мультикультурализма возникает противоречие, основанное на амбивалентной попытке совместить несовместимое – подчеркнуть и одновременно нивелировать культурные различия.

Вторым важным фактором, усложняющим решение проблемы, являются приобретающие популярность идеи либерализма, отстаивающие не только свободу самореализации, но и размывающие грани возможного и допустимого. Это вызывает необходимость рассмотрения проблемы регуляции поведения представителей определенных социальных групп.

Значительный интерес представляет проблема внешнего контроля поведения этнических групп, приобретающая актуальность в условиях поликультурного общества. Особенно остро это проявляется в разрезе рассмотрения характера оказываемого воздействия на представителей этноса, перспектив осуществления данного влияния, способов его реализации, а также возможных итогов вмешательства в естественный ход культурных процессов.

В соответствии с устоявшимися в философии культуры и культурной антропологии представлениями, одной из форм выражения культуры является либо ее поведенческий характер, формируемый посредством научения, либо некая абстракция поведения [1, С. 17]. И в первом, и во втором случае культура мыслится не только как форма выражения, но и как форма восприятия. Отсюда следует невозможность оценки культуры без процесса включения в нее. В то же самое время принадлежность к конкретной культуре не позволяет исследователю абстрагироваться от ее смысловых характеристик, а, следовательно, изучение ее также становится субъективным и zaangażированным.

Ситуация еще больше усложняется, когда речь идет об оценке поведения индивида-носителя иной культурной традиции, который в своих действиях опирается на прививаемые с детства ценности и нормы нравственности, религиозные убеждения, а также в течение жизни ориентируется на признанные в его социальной среде авторитеты.

Таким образом, актуализируется третий фактор, связанный с неспособностью представителей современного общества ориентироваться на универсализированные шаблоны. Затруднительность стандартизации объясняется переходным характером современной социальной системы, формирующей индивида, отвергающего исторически устоявшиеся образцы и пребывающего в постоянном поиске. В таких условиях, с целью избежания хаотичности и непредсказуемости в поведении вполне ожидаемой становится попытка выведения правил, направленных на упорядочение взаимодействия различных социальных групп.

Жаркие споры в политических кругах и среди представителей общественности вызвала инициатива подготовки своеобразных кодексов для представителей различных народов, регламентирующих их поведение на территории своего региона, иных субъектов Российской Федерации, а также попытки формирования свода правил этикета для гостей некоторых регионов России.

Таким образом, цель исследования заключается в анализе процесса регламентации поведения этнических групп на примере проблем, характерных для Российской Федерации, а также оценке с позиции культурологии, этнографии, этики и психологии действенность подобного воздействия. Достижение цели предполагает решение целого спектра задач. Во-первых, рассмотреть феномен регламентации этнического поведения в синхронической и диахронической плоскостях; во-вторых, изучить этнокультурные и философские основания для усвоения вводимых правил; в-третьих, оценить возможности применения приемов подобного рода для нейтрализации конфликтов на межкультурной почве.

В эпицентре проблемы находятся народы республик Северного Кавказа, что объясняется особенностью менталитета, религии, традиций и культуры. Причиной попытки регламентации стали такие проявления, как сложность в адаптации к условиям новой культурной среды, учащение фактов нарушений норм морали и правил этикета представителями кавказского народа, а также незнание или непонимание местных обычаев и традиций лицами, посещающими республики с туристическими или иными целями.

Западный спектр проблемы, в отличие от российского контекста, больше связан с отдельными трудностями в адаптации мигрантов. Миграционный кризис, начавшийся в 2015 году, обусловил необходимость осмысления проблемы приобщения беженцев к местному укладу жизни на уровне не только моральных, но и правовых норм. Это обусловлено тем, что параллельно с увеличением потоков переселенцев, стремительно возрастает уровень преступности и террористической опасности. Меры принимаются зачастую полярные: от идеи Д. Трампа о строительстве «американо-мексиканского барьера» до инициатив европейских стран, касающихся разработки всевозможных кодексов и внесения коррективов в сферу миграционной политики.

Попытки регуляции поведения индивида или социальной группы, как правило, сопровождаются формированием своеобразных кодексов. Если абстрагироваться от иносказательных и метафоричных употреблений, то само по себе понятие «кодекс» означает свод правил, направленных на обеспечение контроля над соблюдением норм, реализуемых в пределах определенной сферы. Традиционно кодекс имеет

отношение к юридической науке, однако, кроме реализации юридических норм, с помощью кодексов обеспечивается регуляция и нравственных отношений.

Анализируя причины возникновения и функциональную нагрузку этических кодексов, следует отметить, что их первостепенное назначение заключается в регулировании наиболее существенных сторон жизни, которые в силу своей фундаментальности не могут быть сведены к сухому перечню действий. Особенность этического кодекса в сравнении с нормативными актами, закрепляющими правовые нормы, скорее состоит в попытке выведения универсальных принципов поведения и формирования абстрактных жизненных ориентиров. Исключительные свойства морали воплощаются в виде идеализированных моделей, служащих примером для подражания.

Феномен регламентации этнического поведения не является новаторским. Такие попытки в историческом ракурсе уже предпринимались и на территории Востока, и применительно к Западной цивилизации. В Японии особый интерес представляет бусидо – кодекс чести самурая, органически впитавший в себя правила житейской морали и принципы поведения в бою. В Европе сходный свод норм сложился в эпоху Средневековья и регулировал поведение рыцарей. Правила касались не только особенностей действий в ситуациях, связанных с повседневной жизнью, но и настраивали на решительные поступки во время сражений, регламентировали отношение к женщинам. Вопреки попыткам обывателей перечислять эти своды правил через запятую или искать аналогии в постулатах, отметим, что положения бусидо и кодекса чести рыцаря – это отражение эпохи и культуры, а потому базируются на принципиально разных религиозно-философских и мировоззренческих основах. Однако, обобщая заложенные в них идеи, можно сделать вывод о попытке регуляции действий, направленных на сохранение чести отдельной личности и всего народа.

Своды правовых, культурных и моральных норм, кроме России, были представлены в Германии, Финляндии, Норвегии и пр., и ориентированы преимущественно на проблемы, связанные с поведением беженцев из Африки и Ближнего Востока. Следует отметить примитивность зафиксированных норм, ориентированных преимущественно на общие правила приличия, принципы отношения к женщинам, необходимость соблюдения правил дорожного движения, поддержания гигиены, а не углубленное изучение культурных особенностей для комфортного совместного проживания беженцев и местных жителей.

Применительно к этническим особенностям, следует упомянуть эдел, представляющий ингушский свод правил морали и этики, имеющий неписанный характер; адаты как обычаи, регулирующие жизнь чеченского народа; чеченский этический кодекс чести «Къонахалла»; «уэркъ хабзэ» – неписанный кодекс «черкесского рыцаря (дворянина)» [2, С. 92] и другие своды этнических правил и норм. Очевидно, что подобные сборники появляются у тех народов, где первостепенное значение имеет традиционность и преемственность. В России к такому относятся народы Кавказа.

На сегодняшний день актуальные данные социологических исследований, представляющие перечень типичных и наиболее распространенных нарушений

принципов морали, отсутствуют. Контент-анализ интернет-источников и публичных форумов позволяет прийти к мнению, что ошибки со стороны гостей республик Северного Кавказа, допускаемые во время пребывания на их территории, касаются пренебрежения устоявшимися правилами морали. Это выражается в ношении одежды, не соответствующей принятым нравственным нормам, а также в несоблюдении религиозных законов местных народов. В число самых распространенных входит ношение женщинами откровенных нарядов и попытки употребления алкогольных напитков в исламских республиках. Что касается поведения кавказцев в других регионах, к примеру, в г. Москве, то рассматриваемые народы, по мнению местных жителей, отличаются высоким уровнем конфликтности, обусловленным их настойчивостью, дерзостью, агрессивностью. Также ксенофобские чувства во многом вызывают устоявшиеся ложные стереотипные представления о противоправном поведении представителей этих этносов.

А. Малашенко, анализируя причины развития межконфессиональных противоречий, отмечает, что еще в советские времена сложилось разделение народов, исповедующих ислам, основанное на стереотипных представлениях о «чужом исламе» (то есть зарубежном, антикоммунистическом, политизированном, активно противопоставляющем себя Советскому государству) и «своем, советском исламе», сохранившемся «среди «невежественных стариков», «слабых женщин» [3, С. 52.]. В современном сознании это разделение предопределяется стереотипом, согласно которому мусульмане делятся на представителей «традиционного» и «фундаменталистского ислама». Все они в общественном сознании, заангажированном СМИ и политическими противоречиями, либо «агрессивны, безжалостны и с презрением относятся к русскому обывателю» [3, С. 53], либо приехавшие на заработки и нещадно эксплуатируемые беззащитные, но не вызывающие ни чувства сострадания, ни уважения люди [7, С. 53]. При этом исследователь подчеркивает факт дифференцированного восприятия «татарина» как своего и «кавказца» в качестве чужого [3, С. 53].

Несоответствие поведения принятым нормам может быть связано с тем, что, попадая в новую культурную среду, человек всегда испытывает культурный шок, сопровождающийся амбивалентными чувствами восторженности, умиления и растерянности, усиливающимися из-за неспособности моментально адаптироваться к предлагаемым условиям. В этой ситуации действительно наиболее ярко проявляются вырабатываемые на протяжении истории модели поведения, от которых невозможно отказаться в силу целого ряда причин. Применительно к кавказским народам главной из них является ярко выраженный традиционный характер культуры и социальных норм, которые зачастую в восприятии молодым поколением могут приобретать различные модификации: от полного повиновения до категоричного отрицания. З. Гаджимуратова, исследуя феноменологию самосознания чеченской молодежи, отмечает высокую степень уважения к традициям, ценностям своей общности, привычных норм поведения и моделей воспитания [4, С. 140]. Различия в стереотипах поведения мужчин и женщин, по

нашему мнению, формирует основу для возникновения ключевого конфликта восприятия поведения.

Процесс формирования гендерной идентичности у народов Кавказа имеет традиционный характер и реализуется посредством строгого разделения труда. Четко определенные социальные роли касаются не только гендерного признака, но и возрастных особенностей. Образ жизни некоторых кавказских народов, обусловленный историческими событиями, стал причиной неравного разделения домашних обязанностей между мужчиной и женщиной, а также различием в социальном статусе. Нормы поведения передаются из поколения в поколение от отца к сыну и от матери к дочери соответственно, что придает им особую жесткость. Регламентация процесса гендерного воспитания предполагает наличие устоявшихся образцов мужского и женского поведения. В мужчине воспитываются «смелость, самостоятельность, независимость, агрессивность», в женщине – «послушание, скромность, покорность родителям, братьям, мужу, родителям мужа, уважение к представителям мужского пола и старикам» [4, С. 141]. Перечисленные критерии становятся жизненными ориентирами.

В разработанных в наши дни ингушских рекомендациях «Этикет поведения ингуша (ингушки) в общественных местах» закреплены похожие требования. «Женщина должна знать свое почетное место. Женщина любого возраста должна уступать мужчине любого возраста. Женщину красит стыдливость, вежливость, спокойный тон и соблюдение дистанции с чужими мужчинами. Женщине не приличествует кричать, громко смеяться» [5]. Тем самым в сознании представителя этого народа формируется не только идеальный образ ингушской женщины, но и модель отношения к ней. Параллельно инициируется и обостряется конфликт в восприятии женщин, чье поведение культурно обусловлено равным мужчине статусом. Таким образом, попытки снижения конфликтности с помощью регламентации особенностей этнического характера, наоборот способны привести к обострению проблемы.

Другим основанием, которое ставит под сомнение эффективность этической регламентации поведения народа, является необходимость подкрепления норм осознанием ответственности за их нарушение. Схему формирования ответственности за свои действия можно изучить на основе разделения культур по индивидуалистическим и коллективистским принципам. Первые – пример западного типа мышления, вторые – восточного.

В науке распространено предположение, что для восточного и западного типа мышления находятся различные основания. Конкретизацию разграничения осуществила антрополог Р. Бенедикт в работе «Хризантема и меч: Модели японской культуры» [6]. На основании собственных наблюдений и анализа особенностей истории и культуры американская исследовательница выдвигает предположение об актуализации в процессе оценивания поступка на Востоке роли стыда, а на Западе – вины. Безусловно, перенесение японских свойств на другие народы некорректно, однако нравственные ориентиры западной и восточной моделей в исследованиях поведения Ю.Н. Долгова вырисовываются более отчетливо.

Человек, будучи представителем «культуры стыда», испытывает обостренное чувство принадлежности к социальной группе (по сравнению с желанием подчеркнуть индивидуальность). Поэтому его поведение «оценивает не он сам, а социум» [7, С. 7]. Представители таких культур будут скептически настроены к исповеди перед представителем духовенства как элементу культовой стороны религии, поскольку о безнравственных поступках следует умалчивать и думать об их несовершении в принципе. В соответствии с психологическими свойствами, чувство стыда зачастую становится основой для выражения агрессии [7, С. 6–7] и переживается совместно с позором. Однако в сознании представителей «культуры стыда» присутствует четкое разделение на «своих» и «чужих», последние «всегда неправы только потому, что они чужие, а не на основании расследований, протоколов, юридических доказательств» [7, С. 9].

Одним из тезисов, заставляющим усомниться в целесообразности введения четко регламентированных правил, является утверждение о невозможности морального воздействия ввиду неисполнения некоторыми представителями даже юридических законов. Данная претензия является не совсем обоснованной и верной. Действительно, право формирует фундамент для морали, закрепляя элементарные правила, позволяющие людям сосуществовать в обществе, не нарушая свободы друг друга. Однако зачастую культурные особенности приводят к тому, что моральные нормы являются более легитимными, чем правовые.

В среде кавказских народов осознание ответственности приобретает эффективность при наличии критической оценки со стороны авторитетного лица. Безусловно, авторы идеи разработки кодексов поведения отмечают факт привлечения историков и старейшин, однако участие некоторых личностей вполне обоснованно вызывает дискуссии и протесты. Привлечение к написанию таких правил известного своей националистической деятельностью (организация «русских маршей», проведение «русских пробежек», инициативы по признанию привилегированного статуса отдельных народов России и пр.), Д. Демушкина [8, С. 316] становится основой для того, чтобы усомниться в объективности и адекватности предлагаемых мер. Возможно, более рациональным было бы привлечение Д. Демушкина к разработке аналогичных кодексов для русских. А лучше – вообще максимально дистанцироваться от участия в таких инициативах знаковых для подрыва межнационального мира персон, обратившись лучше к представителям научных кругов.

Создавая аналогичные кодексы, следует учитывать, что легитимность моральным нормам придает их устойчивость к проверкам временем, а также поэтапность и планомерность восприятия установленных норм, прививаемых в процессе воспитания. К примеру, «ребенка-чеченца с самых ранних лет приучают к правилам горского этикета, незнание которых строго карается» [4, С. 134]. В дальнейшем ребенок, становясь свидетелем последствий ошибок старших, приобретает способность самостоятельно «оценивать различные ситуации» [4, С. 134].

Разрабатываемые сегодня правила ориентированы преимущественно на представителей молодого поколения, которое нередко отличает не только

отсутствие знаний, но и опыта в процессе построения отношений как с представителями старшего поколения, так и с ровесниками противоположного пола [9]. М.В. Черепанова, изучая явление этической кодификации в исторической проекции, обращает внимание на различие социальных условий, напрямую отражающихся на характере их отношения к регламентации морали. Исследователь выделяет «антропологический, корпоративный и социальный» [9, С. 92] уровни. Их преодоление происходит поэтапно и определяется особенностями социальных отношений, базирующимися на аксиологическом фундаменте.

Проводя анализ современной культуры, М.В. Черепанова констатирует факт изменения ценностных ориентиров и отмечает значительное снижение чувства сопричастности группы. Эти тенденции в совокупности стимулируют появления новых форм социального взаимодействия [9, С. 92]. Современный человек постоянно пребывает в состоянии поиска социальных групп, разделяющих его личные убеждения и установки, однако не задерживается в них по причине постоянной смены рода деятельности и вкусовых предпочтений. Такая нестабильность чревата нарушением процесса социальной адаптации и даже невозможностью его эффективного завершения, с одной стороны, и постепенным перерождением субкультур как явления – с другой [10, С. 286]. Таким образом, при попадании в иную социокультурную среду инициируется переосмысление прежних способов организации отношений в обществе. В случае с носителями кавказских традиций описанные тенденции приводят к невозможности их социализации и вероятному замыканию на уровне уже устоявшейся этнической группы.

Выводы. Анализ истории, социокультурных особенностей и специфики менталитета народов Северного Кавказа заставляет задуматься о целесообразности и эффективности внедрения системы искусственной регламентации этнического поведения. Основными ориентирами, с помощью которых и сегодня происходит регуляция поведения, остаются чувства гордости как проявление позитивной оценки и стыд как основа для критики. Учитывая эмоциональную природу данных чувств, дискуссионной, с точки зрения эффективности, является попытка кодификации составляющих культурных особенностей поведения.

Очевидно, что предлагаемые мигрантам брошюры способствуют ускоренному знакомству с местными законами. Однако отсутствие исследований, касающихся того, насколько информация, содержащаяся в них, обеспечила эффективность адаптации гостей к местным традициям и снизила уровень межэтнической напряженности, наталкивает на мысль о недостаточности принимаемой инициативы. Наоборот, констатируется факт того, что местные жители должны учитывать культурные особенности мигрантов. Так мигрант, проживающий во Франкфурте, с помощью угрожающих писем, направляемых в адрес директоров детских садов, добился исключения из меню блюд из свинины, поскольку это было обусловлено его религиозными убеждениями. Уступки местные власти объяснили вредностью свинины для детского организма, погасив конфликт с мигрантом на ранней стадии [8].

Немецкий политик Али Эртан Топрак, анализируя европейский опыт, справедливо замечает, что следует разграничивать «желательные» и

«нежелательные» миграционные процессы. Первые, в отличие от вторых, готовы к отсутствию привилегий, тяжелый труд и не надеются на помощь государства. Исследователь отмечает важность того, чтобы европейское общество ощутило важность присутствия мигрантов на своей территории и видело в них «не обузу, а приобретение» [11]. Для этого предлагается обеспечить работу по незамедлительному устному и письменному информированию мигрантов (вне зависимости от срока их пребывания на территории другого государства) в области законодательства и местных культурных особенностей. Тот, кто претендует на статус беженца, в обязательном порядке должен подписать кодекс поведения, в котором фиксируется, что в случае нарушения, они потеряют право на пребывание в Германии, независимо от того, какие последствия будут от его экстрадиции на родину [12].

Невзирая на востребованность разработки и внедрения принципов поведения, очевидным остается тот факт, что в наши дни регламентация моральных норм уместна скорее в случаях с профессиональной сферой. Эти нормы воспринимаются бесконфликтно ввиду договорного характера и по причине периодичности их применения. Что же касается норм в отношении этноса, то они не могут быть восприняты аналогичным образом, поскольку процесс приобщения к ним не имеет осязаемого исторического основания. Поэтому предложенные положения воспринимаются как назидания.

Для менталитета народов, возводящих в культ традицию, нотации как способ воспитания, будет малоэффективен. В таких случаях используется метод примера. А важным элементом наглядности будет одобрение или осуждение действий со стороны своей этнической группы или авторитетного лица.

Современная культура, в том числе и те ее этнические формы, которые в своей основе опираются на незыблемость традиций, ушла достаточно далеко от применения системы бинарных оппозиций. Такой сдвиг нравственных ориентиров готовит почву для появления «полутонов» и реализации принципа относительности для проведения анализа различных проявлений в сфере культуры. В то время как представленные общественности своды норм для этносов наоборот – предлагают строгую систему, пытаясь четко определить допустимое и недопустимое.

Учитывая особенности национального характера, а также специфику мировоззрения современного молодого поколения – основного объекта воздействия, большую эффективность при регламентации поведения приобрели бы рационально выстроенные разъяснения сути этнических традиций и обоснование причин важности их уважения и соблюдения.

Список литературы

1. Уайт Л. Понятие культуры / Л. Уайт // Антология исследований культуры. Интерпретация культуры. – 2-е изд. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. – 720 с.
2. Канаметов З.Х. Уэркъ хабзэ – кодекс чести адыгской феодальной знати // Культурная жизнь Юга России. – №6 (25). – 2007. С.91-94.
3. Малашенко А. Ислам для России / Алексей Малашенко. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 192 с.

4. Гаджимурадова З.М. Феноменология самосознания: притязания на признание в традиционных обществах (на материале изучения ценностных ориентации чеченской молодежи) // Развитие личности. – 2015. – № 1. – С. 130-152.
5. Эздел для начинающих // Кавказ. Реалии [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kavkazr.com/a/30136224.html> (дата обращения: 11.12.2019).
6. Бенедикт Р. Хризантема и меч. Модели японской культуры / Р. Бенедикт. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. – 256 с.
7. Долгов Ю.Н. Вина и стыд как социальные чувства // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. – 2013. – № 33. – С. 167-174.
8. Кахуга И.О. Современные радикальные направления неоязычества в России // Молодая наука Сборник научных трудов научно-практической конференции для студентов и молодых ученых. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. – С. 315-317с.
9. Черепанова М.В. Актуализация этических кодексов в контексте современной культуры // Известия Томского политехнического университета. – 2013. – Т. 322. № 6. – С. 92-95.
10. Коноплева А.А. Факторы современного перерождения субкультур // Молодая наука: сборник научных трудов научно-практической конференции для студентов и молодых ученых. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. – С.285-287.
11. Топрак А. Э. Die Welt (Германия): что-то идет не так // Россия сегодня [Электронный ресурс]. – URL: <https://inosmi.ru/social/20191010/246009134.html> (дата обращения: 30.12.2019).
12. Никифоров О. В Германии с новой силой критикуют поведение мигрантов // Независимая газета [Электронный ресурс]. – URL: https://yandex.ru/turbo?text=http%3A%2F%2Fwww.ng.ru%2Fworld%2F2019-08-01%2F6_76_38_behavior.html (дата обращения: 30.12.2019).
13. Чеченский министр рассказал о подготовке кодекса поведения для кавказцев [Электронный ресурс]. – URL: <https://nazaccent.ru/content/6406-chechenskij-ministr-rasskazal-o-podgotovke-kodeksa.html> (дата обращения: 30.12.2019).

Konopleva A. A., Butkevich S. A. Problem of Regulation of Behavior of North Caucasus Ethnic Groups through the Formation of Codes and Recommendations // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2020. – Vol. 6 (72). – № 2. – P. 79–89.

The problem of regulation of cultural processes becomes especially relevant during the period of social transformations, which is due to the complexity of the process of interaction in various planes. Traditionally, the sphere of interethnic relations is the most difficult from the point of view of analysis and forecasting. In this context, the target of the study is to consider attempts to implement the process of regulating the behavior of ethnic groups on the example of problems specific to the Russian Federation, as well as to evaluate the effectiveness of such an impact from the standpoint of cultural studies, ethnography, ethics, and psychology. The subject of the article is the methods of regulating the behavior of ethnic groups, the object is the prospects for their application in modern realities. In addition to general scientific methods, the cross-cultural analysis method, which made possible to identify the national character of individual ethnic groups. The historicism method, which contributed to the determination of the cultural foundation that determines the people's behavior style, became the key to the study of issues. The study found that migration processes that take place both domestically and internationally become an impetus for increasing the intensification of interethnic relations, which, in their turn, rarely proceed without conflict. A content analysis of Internet sources and public forums shows that the issue of regulating behavior is becoming the most relevant for modern Russia. It is related to either the stay of citizens in the republics of the North Caucasus or the adaptation of representatives of the Caucasian peoples to the norms of behavior common in other regions of Russia. It is determined that the regulation can be effective subject to a number of requirements: analysis of the causes of conflicts; involvement of an authoritative person in the development of recommendations; reliance on the historical traditions of the people; features of the national character of the people whose behavior is planned to be regulated. An analysis of the peculiarities of the worldview of young people contributes to the realization that rationally structured explanations of the essence of ethnic traditions and substantiation of the reasons for the importance of respect and observance in the current conditions would be more effective in regulating the behavior of ethnic groups.

Keywords: culture, traditions, national character, code, shame, ethnic group, sociocultural environment, ethnic characteristics of moral principles, moral authority.

References

1. White L. A. Ponyatie kul'tury [Concept of culture]. White L. A. Antologiya issledovaniy kul'tury. Interpretatsiya kul'tury [Anthology of cultural studies. Interpretation of culture]. 2nd pb. Translation from English. St. Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2006. 720 p.
2. Kanametov Z.Kh. Uerk" khabze – kodeks chesti adygskoj feodal'noj znati [Uerk habze - code of honor of the Adyghe feudal nobility]. Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii – Cultural life of the South of Russia, 2007. no 6 (25). pp. 91-94. (In Russian).
3. Malashenko A. Islam dlya Rossii [Islam for Russia] / A. Malashenko ; Mosk. Tsentr Karnegi. Moscow. Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN) – Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2007. pp. 192. (In Russian)
4. Gadzhimuradova Z.M. Fenomenologiya samosoznaniya: prityazaniya na priznanie v traditsionnykh obshchestvakh (na materiale izucheniya tsennostnykh orientatsii chechenskoj molodezhi) [Phenomenology of self-awareness: claims to recognition in traditional societies (based on the study of the value orientations of Chechen youth)]. Razvitie lichnosti – Personal development, 2015, no., 1. pp. 130-152. (In Russian)
5. Ezdel dlya nachinayushchikh [Ezdel for beginners]. Kavkaz. Realii [Caucasus. Realities]. Available at: <https://www.kavkazr.com/a/30136224.html> (accessed 11.12.2019). (In Russian)
6. Benedict R. Hrizantema i mech. Modeli yaponskoj kul'tury [The Chrysanthemum and the Sword. The Model Culture of Japan]. Translation from English. Moscow, Tsentr gumanitarnykh initsiativ – Center for Humanitarian Initiatives, 2014. 256 p. (In Russian).
7. Dolgov Yu.N. Vina i styd kak sotsial'nye chuvstva [Guilt and shame as social feelings]. Lichnost', sem'ya i obshchestvo: voprosy pedagogiki i psikhologii – Person, family and society: issues of pedagogy and psychology, 2013. no 33. pp. 167-174. (In Russian).
8. Kakhuta I.O. Sovremennye radikal'nye napravleniya neoyazychestva v Rossii [Modern radical directions of neopaganism in Russia]. Molodaya nauka Sbornik nauchnykh trudov nauchno-prakticheskoi konferentsii dlya studentov i molodykh uchenykh – Young Science Collection of scientific papers of a scientific and practical conference for students and young scientists. Simferopol': IT «ARIAL», 2018. pp. 315-317. (In Russian).
9. Cherepanova M.V. Aktualizatsiya eticheskikh kodeksov v kontekste sovremennoi kul'tury [Actualization of ethical codes in the context of modern culture]. Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta – News of Tomsk Polytechnic University. Publishing House of St. Petersburg University, 2013. vol. 322. no 6. pp. 92-95. (In Russian)
10. Konopleva A.A. Faktory sovremennogo pererozhdeniya subkul'tur [Factors of modern subculture degeneration]. Molodaya nauka Sbornik nauchnykh trudov nauchno-prakticheskoi konferentsii dlya studentov i molodykh uchenykh – Young Science Collection of scientific papers of a scientific and practical conference for students and young scientists. Simferopol': IT «ARIAL», 2019. pp. 285-287. (In Russian)
11. Toprak A. E. Die Welt (Germaniya): chto-to idet ne tak [Die Welt (Germany): something goes wrong] // Rossiya segodnya [Russia today]. [Electronic resource]. Available at: <https://inosmi.ru/social/20191010/246009134.html> (accessed 30.12.2019). (In Russian).
12. Nikiforov O. V Germanii s novoj siloj kritikuyut povedenie migrantov gazeta [Germany with renewed criticism of the behavior of migrants]// Nezavisimaya gazeta [Independent newspaper]. [Electronic resource]. Available at: URL: https://yandex.ru/turbo?text=http%3A%2F%2Fwww.ng.ru%2Fworld%2F2019-08-01%2F6_76_38_behavior.html (accessed 30.12.2019). (In Russian).
13. CHEchenskij ministr rasskazal o podgotovke kodeksa povedeniya dlya kavkazcev [Chechen Minister spoke about the preparation of a code of conduct for Caucasians] [Electronic resource]. Available at: URL: <https://nazaccent.ru/content/6406-chechenskij-ministr-rasskazal-o-podgotovke-kodeksa.html> (accessed 30.12.2019). (In Russian).